

Религиозное тюремное служение в России как светском государстве

П. Ю. Белов

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Исследование феномена религиозного тюремного служения в светских государствах пока остается преимущественно ведомственным занятием. Анализ основных факторов, влияющих на процесс религиозного тюремного служения в современной России, позволяет определить актуальные и потенциальные проблемы развития этой сферы отношений. Религиоведческое исследование феномена религиозного служения в пенитенциарных учреждениях необходимо для получения объективных научных данных, как основы для качественного государственно-правового регулирования религиозной деятельности в местах лишения свободы.

Содержание. В процессе исследования автором рассмотрены: (1) особенности российского светского государства, создающего режим благоприятствования для функционирования крупных конфессий; (2) трудность доступа к верующим, находящимся в местах лишения свободы, как основная проблема религиозного тюремного служения; (3) причины, по которым последователи религий становятся объектами религиозного тюремного служения; (4) правомерность и преступность одного и того же деяния в разные времена, в разных национальных и религиозных традициях как основание помещения человека в места лишения свободы или освобождения из них; (5) различие понятий о справедливом правосудии и нравственности у носителей разных религий, находящихся в социальном пространстве пенитенциарных учреждений светского государства; (6) возможность отказа носителей религий от морального осуждения преступников, признанных таковыми в соответствии с приговорами светских государственных судов; (7) религиозная принадлежность законодателей в светском государстве, как фактор, потенциально способный влиять на правоприменения; (8) неэффективность уголовного наказания в отношении осужденных носителей религий в ситуациях, когда они не считают совершенные преступные деяния противоречащими их религиозным убеждениям; (9) различие нравственных норм поликонфессионального общества как основа разного отношения к содержанию уголовных наказаний; (10) примеры доктринальных положений православия, ислама, буддизма, иудаизма, потенциально способных привести к возникновению нежелательных ситуаций при межрелигиозных контактах в пенитенциарной среде; (11) необходимость принятия обоснованных светских нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в постсоветской России, в связи с развитием религиозного служения в пенитенциарных учреждениях; (12) возможное вытеснение религии из светской пенитенциарной системы.

Выводы. Религиозное тюремное служение всегда будет актуальным объектом для правового регулирования в светском государстве. Обозначенные в исследовании потенциальные опасности межрелигиозных конфликтов в пенитенциарной сфере требуют профилактических мер со стороны светской государственной власти. В связи с частичным или полным идейным несовпадением различных религиозных доктрин в поликонфессиональном обществе и идеологии светского государства, в пенитенциарной сфере возникает комплекс проблем и повышается уровень конфликтности. Это требует от государственной власти превентивных профилактических мер воздействия. Действенным инструментом такой профилактики со стороны государства могут стать нормативно-правовые акты разных видов. Законодательные новеллы будут эффективны лишь при условии их поддержки большинством граждан государства, а также при наличии возможности и желания у работников государственных органов обеспечить их выполнение. Государство может использовать не только запретительные меры, но и поощрительные. Например, необходимо поощрять развивающееся в современной России межрелигиозное пенитенциарное сотрудничество как деятельность, способствующую недопущению потенциально возможных конфликтов на религиозной основе в местах лишения свободы. Важными перспективными направлениями дальнейших исследований являются: содержание религиозной деятельности в местах лишения свободы; религиозное тюремное служение в контексте решения практических задач светского правового государства.

Ключевые слова: религиоведение, тюремное служение, межрелигиозное сотрудничество, религиозный экстремизм, пенитенциарная система, светское государство.

Для цитирования: Белов П. Ю. Религиозное тюремное служение в России как светском государстве / П. Ю. Белов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 1. – С. 161–171. DOI 10.35231/18186653_2022_1_161

Religious prison ministry in Russia as a secular state

Pyotr Yu. Belov

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The study of the religious prison service phenomenon in secular states remains primarily a departmental occupation. The analysis of the main factors influencing the process of religious prison service in modern Russia makes it possible to identify current and potential problems of the development of this sphere of relations. Religious studies research of the phenomenon of religious service in penitentiary institutions is necessary to obtain objective scientific data as a basis for high-quality state-legal regulation of religious activity in places of deprivation of liberty.

Content. In the course of the research, the author considers: (1) the features of the Russian secular state, which creates a favorable regime for the functioning of large confessions; (2) difficulty of access to believers in places of deprivation of liberty as the main problem of religious prison service; (3) reasons why followers of religions become objects of religious prison service; (4) the legality and criminality of the same act at different times, in different national and religious traditions, as the basis for placing a person in places of deprivation of liberty, or release from them; (5) the difference

in concepts of fair justice and morality among carriers of different religions located in the social space of penitentiary institutions of a secular state; (6) the possibility of religious speakers refusing to morally condemn criminals recognized as such in accordance with the sentences of secular state courts; (7) the religious affiliation of legislators in a secular state as a factor potentially capable of influencing law enforcement; (8) the ineffectiveness of criminal punishment against convicted religious speakers in situations where they do not consider the criminal acts committed to contradict their religious beliefs; (9) the difference in moral norms of a multi-confessional society as the basis for different attitudes to the content of criminal penalties; (10) examples of doctrinal provisions of Orthodoxy, Islam, Buddhism, Judaism potentially capable of causing undesirable situations during interreligious contacts in the penitentiary environment; (11) the need to adopt reasonable secular normative legal acts regulating public relations in post-Soviet Russia in connection with the development of religious service in penitentiary institutions; (12) the possible displacement of religion from the secular penitentiary system.

Conclusions. Religious prison service will always be an actual object for legal regulation in a secular state. The potential dangers of interreligious conflicts in the penitentiary sphere identified in the study require preventive measures on the part of the secular state authorities. Due to the partial or complete ideological discrepancy between various religious doctrines in a multi-confessional society and the ideology of a secular state, a complex of problems arises in the penitentiary sphere and the level of conflict increases. This requires preventive measures from the State authorities. Regulatory legal acts of various types can become an effective tool for such prevention from the side of the state. Legislative innovations will be effective only if they are supported by the majority of citizens of the state, as well as if employees of state bodies have the opportunity and desire to ensure their implementation. The State can use not only prohibitive measures, but also incentive ones. For example, it is necessary to encourage interreligious penitentiary cooperation, which is developing in modern Russia, as an activity that contributes to the prevention of potentially possible conflicts on a religious basis in places of deprivation of liberty; religious prison service in the context of solving practical problems of a secular rule of law state.

Key words: religious studies, prison ministry, interreligious cooperation, religious extremism, penitentiary system, secular state.

For citation: Belov, P. Yu. (2022). Fenomen religioznogo tyuremnogo sluzheniya v Rossii kak svetskom gosudarstve [Phenomenon of religious prison ministry in Russia as a secular state]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. pp. 161–171. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_1_161

Введение

Религиозное тюремное служение в странах с государственной религией имеет богатую историю, в отличие от такого служения в светских государствах. В России несколько столетий существовала государственная религия, заполнявшая собой все сферы жизни [17, с. 15, 36], в том числе и религиозную деятельность в пенитенциарных учреждениях. В советский период секулярность

государства исключала какое-либо религиозное служение в местах лишения свободы. На территории постсоветской России в условиях светского государства религиозное тюремное служение и межрелигиозное пенитенциарное сотрудничество начинает активно развиваться, что не исключает конкуренцию, вызванную столкновением интересов религиозных организаций. Это может приводить к проявлениям религиозно мотивированного экстремизма в пенитенциарной среде и создавать угрозу государственной безопасности.

Таким образом, исследование феномена религиозного тюремного служения в светском государстве представляет практический интерес. Рассмотрение факторов, влияющих на религиозное тюремное служение в современной России, позволит выявить проблемы в этой сфере. Религиоведческие исследования в этом направлении необходимы для получения научных данных как основы для развития государственно-правового регулирования религиозной деятельности в местах лишения свободы.

Содержание исследования

Религиозная деятельность, возродившаяся в российских пенитенциарных учреждениях, имеет особенность: она является предметом внимания и правовой регламентации органов светского государства, при этом режим наибольшего благоприятствования в данной сфере получают наиболее крупные российские религиозные объединения [8, с. 40]. Важной особенностью религиозного тюремного служения является усложненный процесс доступа конфессиональных служителей к своим единоверцам и иные ограничения, вызванные режимом мест заключения.

Последователи религий оказываются в местах лишения свободы вследствие совершения ими правонарушений, к которым относятся вредные, общественно опасные действия и бездействия (уголовные преступления; административные, гражданско-правовые, дисциплинарные, процессуальные проступки). Правонарушение – это «вызов обществу и государству, пренебрежение к тому, что представляет для них ценность и значимость» [2, с. 38]. Преступления представляют опасность только в том случае, если они причиняют существенный вред. Малозначительное правонарушение «не подпадает под какой-либо состав преступления» [18, с. 32].

С помощью наказания «представители рода человеческого во все времена и у всех народов пытались обуздать, искоренить, уничтожить социальное зло под названием "преступление"» [6, с. 3]. В разных религиозных традициях с точки зрения вероучительных представлений о справедливости одно и то же деяние

могло признаваться правомерным или преступным, и «нет точного ответа на вопрос, что такое справедливость – это равенство или неравенство?» [4, с. 98].

В России слово *справедливость* всегда употребляли при характеристике отдельных индивидов, государственных органов и законов (справедливый, праведный суд) [4, с. 99]. Социальная справедливость понимается по-разному. «В первой половине XX века самыми конкурентоспособными оказались теории анархизма, коммунизма и правового государства, а во второй половине XX века – теория социалистического правового государства, теория социального государства, теория исламского государства» [4, с. 99].

Обвинительный приговор светского суда в отношении последователя религии иногда может расцениваться его единоверцами как несправедливый. Например, с точки зрения сторонника идеи исламского государства, судебная система социального государства может считаться несправедливой.

По общему правилу: «Совершение преступлений предполагает не только уголовную ответственность виновных лиц, но и их моральное осуждение обществом» [2, с. 80]. Но в каждой религиозной доктрине существует свое понимание морали. Не всегда преступление последователя религии будет признано его единоверцами аморальным. Следует учитывать, что правотворчество и правоприменение бывают обусловлены «целесообразностью политиков, обладающих государственной властью» [3, с. 65, 66]. Религиозная принадлежность политиков, может отражаться на принимаемых ими решениях, в том числе в сфере религиозного тюремного служения.

Наказание связано с причинением человеку вреда «вплоть до лишения свободы, или даже жизни» [19, с. 7]. Осужденный должен понять, что «совершать преступление невыгодно, поскольку за ним последует расплата» [6, с. 151]. Тем не менее, если совершенное преступление не противоречит религиозным убеждениям преступника, то соображения личной выгоды не удержат его от рецидива. Религиозные люди могут совершать невыгодные для себя в общечеловеческом понимании поступки ради достижения «выгоды» мистического характера.

Виды наказаний зависят, в частности, от уровня морального состояния общества [19, с. 7]. В поликонфессиональном обществе нравственные нормы его членов не всегда совпадают. Отношение к обоснованности, оправданности существования того или иного вида уголовного наказания у последователей разных религий может отличаться.

В православии каждый человек является преступником перед Богом, так как в мире нет безгрешных людей. Грех, «однажды совершенный, если не будет изглажен покаянием, но будет повторяться, мало-помалу обратится в греховную привычку» [21, с. 154]. С позиции православной доктрины преступниками перед Богом являются и жертва преступления, и уголовный преступник, и судья, и сотрудник тюрьмы, и сам православный тюремный священник. «Лекарство от болезни греха» – это искреннее покаяние. «Механическое» исполнение человеком нравственного закона является обязательным, но недостаточным условием праведности. Человек должен исполнять нравственный закон из любви и благоговения к Высочайшему Существо, верховному Законодателю – Богу [16, с. 28, 29].

В исламе существенным институтом является шариат, включающий в себя «правила и нормы, определяющие религиозно-культурную жизнь общества, в том числе поступки и действия отдельного верующего, и юридические предписания, создающие фундамент нормативно-регулятивной системы мусульманского права» [10, с. 134]. Для осужденных мусульман важным является обеспечение возможности следовать нормам шариата в период заключения. В общей исламской доктрине о единстве светской и религиозной власти сунниты – сторонники принципа выборности первого лица, а шииты – сторонники передачи верховной светской и религиозной власти по наследству [7, с. 107]. Следовательно, у последователей обоих направлений могут возникать сомнения в правосудности приговоров, вынесенных судьями-немусульманами.

Буддизм «имеет свои собственные взгляды на происхождение мира, его смысла, его строения и места в нем конкретного человека» [1, с. 306]. Он превратился «из философско-нравственной концепции совершенствования личности в религиозную систему» [9, с. 16]. Отсутствие в буддизме учения о едином всемогущем боге не способствует развитию диалога с монотеистическими религиями. Отрицание единобожия считается тяжким грехом для этих религий. В связи с господством в пенитенциарной системе отношений власти и подчинения, фактор отрицания буддистами единого бога может влиять на принятие по отношению к ним сотрудниками органов исполнения наказаний, лично исповедующими монотеистическую религию, репрессивных религиозно мотивированных решений.

В иудаизме важнейшим является религиозный сюжет о том, как «за праведность и верность Б-г заключил с Авраамом Союз, пообещав ему в наследие страну, где жили в то время разные народы» [11, с. 26]. Сейчас часть этой «Б-гом дарованной иудеям земли» занимают независимые арабские государства. С точки зрения иудаизма арабы, по воле Б-га, «должны быть кочевниками, веду-

щими вольную жизнь в пустыне. Их характерная черта – вражда. “Дикарь-человек” – символ нецивилизованной жизни и упрямства» [11, с. 27]. Как известно, основатель ислама был по происхождению арабом.

Президент Израильской академии наук и одновременно один из крупнейших мировых авторитетов в области иудаистики Э. Урбах отмечает:

... для еврейских мудрецов-талмудистов «противопоставление Израиля народам мира оставалось в силе, шла ли речь о язычниках или христианах»; с точки зрения талмудического иудаизма христианство это нечестивый “Эсав, завернувшийся в талит” – это царство, впавшее в ересь. Иными словами, христиане, это еретики, вышедшие из иудаизма. В принявшей христианство Римской Империи, “покорившей их страну, разрушившей Храм и изгнавшей их народ”, мудрецы видели “нечестивое царство”, а союз, заключенный вышедшей из лона их же веры религией с этой империей, еще более укрепил их сопротивление обеим» [20, с. 502].

Эти талмудические доктрины потенциально могут стать источниками проблем в пенитенциарной среде, препятствием развития межрелигиозного диалога с христианами, мусульманами, буддистами, язычниками.

В научной литературе нередко встречается тезис о том, что в исторической основе государственного права «лежит религиозный закон, освящающий и санкционирующий в сознании нации светскую власть» [12, с. 175]. Повествования о происхождении государств обычно начинаются с мифов о том, как тот или иной бог дал людям закон, научил их письму, строительству городов и т. д. Древние правители имели власть не сами по себе, а в силу народной веры в богоустановленность этой власти. Постепенно на смену мифам пришли религиозные учения, впоследствии доминирующими стали светские политические идеологии, но в общественном сознании удерживается архетипическая мифологическая основа. И правовые нормы законодательства светских государств нередко приходят в диссонанс с мировоззренческими установками верований, имеющих архетипическую подоплеку.

Можно полагать, что причины и присутствия религиозного компонента в структуре пенитенциарной системы, и конфликтности по этому поводу находятся в сфере государственной идеологии. Государство осуществляет идеологическую функцию для недопущения ценностного разложения общества, для поддержания авторитета политической власти [5, с. 18]. В процессе осуществления идеологической функции важно не допускать замены многообразия культур унификацией, диалога – диктатом, но также, и увлечения чрезмерным гуманизмом, которое приводит к дегуманизации [13, с. 120].

Государство с помощью правового регулирования может закреплять существующие социальные отношения в сфере религиозного тюремного служения, а также способствовать становлению новых отношений. С помощью права можно установить «только такие новые общественные отношения, для которых созрели соответствующие условия, т. е., их вид, качественное своеобразие уже predeterminedены социально-экономической необходимостью, объективными законами развития общества» [15, с. 58].

Источники права изменяются вместе с эволюцией формы государства. В современной России это нормативно-правовые акты, договоры нормативного содержания, юридический прецедент и обычаи делового оборота, нормы международного права, акты локального нормотворчества [14, с. 4, 138]. Перечисленные источники, это «арсенал» в руках государства, пригодный для правового регулирования религиозной деятельности в местах заключения. На содержание норм права оказывает влияние светский характер государства. «В соответствии с устоями и принципами, характерными для такого типа государственности, организованы и функционируют государственные и общественные институты» [8, с. 179].

Попытка решения проблем, связанных с религиозным тюремным служением, через вытеснение религиозного фактора из светской пенитенциарной системы, стала бы ошибкой. В процессе развития светского государства необходимо использовать социальный потенциал религиозных организаций на пользу важнейших государственных институтов, одним из которых является система исполнений наказаний.

Выводы

Религиозное тюремное служение всегда будет актуальным объектом для правового регулирования светского государства, так как всегда в числе заключенных и тюремного персонала будут находиться лица, исповедующие ту или иную религию. Опасность межрелигиозных конфликтов в пенитенциарной сфере требует профилактических мер со стороны государственной власти. Проблемы также возникают в связи с разнообразием религиозных доктрин и государственной идеологии в поликонфессиональном обществе. Действенным инструментом профилактики этих проблем являются нормативно-правовые акты. Законодательные новеллы будут эффективны лишь при условии их поддержки большинством граждан государства, а также при наличии возможности и желания у работников государственных органов обеспечить их выполнение. Государство может использовать как запретительные, так и поощрительные

меры. Необходимо поощрять развивающееся в современной России межрелигиозное пенитенциарное сотрудничество, как деятельность, способствующую недопущению конфликтов на религиозной основе.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: (1) содержание религиозной деятельности в местах лишения свободы; (2) религиозное тюремное служение в контексте решения практических задач светского правового государства.

Список литературы

1. Абаева Л. Л., Сандагийн Ц., Аюшеева М. В. Миряне и ламы: буддийские идеи и практики в трансформирующихся обществах России и Монголии. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. – 326 с.
2. Гогин А. А. Правонарушения: понятие, сущность, виды. – М.: NOTA BENE, 2007. – 177 с.
3. Горшенков Г. Н. Преступление. Как его понимать? – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – 169 с.
4. Иванников И. А. Теория и философия права. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 143 с.
5. Клименко А. И. Сущность и механизмы современной правовой идеологии государства. – М.: Московский университет МВД России, 2007. – 138 с.
6. Коробеев А. И. Учение о наказании в уголовном праве России. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2011. – 313 с.
7. Кошева С. В. Ислам в духовной и общественной жизни мусульман: традиции и современность. – Ставрополь: Светличная С. Г., 2015. – 121 с.
8. Мещерякова А. Ф. Светское государство в современной России: проблемы и перспективы развития. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 198 с.
9. Надеева М. И. Буддизм: основы философии, психологии, этики, художественной культуры. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2018. – 115 с.
10. Надеева М. И. Духовные ценности ислама. – Казань : КНИТУ, 2011. – 214 с.
11. Немировская Л. З. Библейские религии. Тексты. Комментарии: моногр. – М.: РосНОУ, 2005. – 159 с.
12. Панищев А. Л. Архетип государственности в религиозном сознании человека. – Курск: Мечта, 2010. – 193 с.
13. Плешивцева Е. Ю. Вертикаль и горизонталь диалога культур // От экстремизма к толерантности: этические и социокультурные аспекты: коллективная моногр. / [Денисов С. Ф. и др.] – Новосибирск: Новосибирский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2010. – 336 с.
14. Правкин С. А. Эволюция источников права в России: история и современность. – М.: МИЭМП, 2007. – 151 с.
15. Радько Т. Н. Теория функций права. – М.: Проспект, 2014. – 268 с.
16. Рождественский Д. В. Нравственное богословие. – М.: Лествица, 2001. – 252 с.
17. Смирнов М. Ю. Динамика религиозных организаций в дореволюционной России: исторический и статистический обзор // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 3. – С. 15–36.

18. Степанов В. В. Понятие и значение малозначительности правонарушения в российском законодательстве. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 2008. – 108 с.
19. Стромов В. Ю., Дворецкий М. Ю. Система уголовных наказаний: история развития, сущность, цели, применение и эффективность. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007. – 513 с.
20. Урбах Э. Мудрецы Талмуда. – М.: Гешарим: издатель М. Гринберг; Иерусалим: Мосты культуры, 2016. – 555 с.
21. Шиманский Г. И. Нравственное богословие. – СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2017. – 479 с.

References

1. Abaeva, L. L., Sandagijn, C., Ayusheeva, M. V. (2019). *Miryane i lamy: buddijskie idei i praktiki v transformiruyushchih sya obshchestvakh Rossii i Mongolii* [Laity and lamas: Buddhist ideas and practices in the being-transformed societies in Russia and Mongolia]. Ulan-Ude: BNC SO RAN. 326 p. (In Russian).
2. Gogin, A. A. (2007). *Pravonarusheniya: ponyatie, sushchnost', vidy* [Transgression of law: concept, substance, types]. Moskva: NOTA BENE. 177 p. (In Russian).
3. Gorshenkov, G. N. (2004). *Prestuplenie. Kak ego ponimat'?* [Crime. The ways of its treatment]. N. Novgorod: Izd-vo NNGU. 169 p. (In Russian).
4. Ivannikov, I. A. (2018). *Teoriya i filosofiya prava* [Theory and philosophy of law]. Moskva: Yurlitinform. 143 p. (In Russian).
5. Klimenko, A. I. (2007). *Sushchnost' i mekhanizmy sovremennoj pravovoy ideologii gosudarstva* [Substance and mechanisms of state-powered modern legal ideology]. Moskva: Moskovskij universitet MVD Rossii. 138 p. (In Russian).
6. Korobeev, A. I. (2011). *Uchenie o nakazanii v ugovnom prave Rossii* [Penalty doctrine in the Russian criminal law]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. 313 p. (In Russian).
7. Kosheva, S. V. (2015). *Islam v duhovnoj i obshchestvennoj zhizni musul'man: traditsii i sovremennost'* [Islam in spiritual and social life of Muslims: traditions and modernity]. Stavropol': Svetlichnaya S. G. 121 p. (In Russian).
8. Meshcheryakova, A. F. (2013). *Svetskoe gosudarstvo v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy razvitiya* [Secular state in modern Russia: problems and development prospects]. Moskva: Yurlitinform. 198 p. (In Russian).
9. Nadeeva, M. I. (2018). *Buddizm: osnovy filosofii, psikhologii, etiki, khudozhestvennoj kul'tury* [Buddhism: fundamentals of philosophy, psychology, ethics, art and culture]. Kazan': Izd-vo KNITU. 115 p. (In Russian).
10. Nadeeva, M. I. (2011). *Dukhovnye tsennosti islama* [Spiritual values of Islam]. Kazan': KNITU. 214 p. (In Russian).
11. Nemirovskaya, L. Z. (2005). *Biblejskie religii. Teksty. Kommentarii* [Scriptural confessions. Texts. Elucidations]. Moskva: RosNOU. 159 p. (In Russian).
12. Panishchev, A. L. (2010). *Arkhetip gosudarstvennosti v religioznom soznanii cheloveka* [Statehood archetype in human religious consciousness]. Kursk: Mechta. 193 p. (In Russian).

13. Pleshivceva, E. Yu. (2010). Vertikal' i gorizontal' dialoga kul'tur [Vertical and horizontal dialogue of cultures]. *Ot ekstremizma k tolerantnosti: eticheskie i sotsiokul'turnye aspekty* [From extremism to tolerance: ethical and socio-cultural aspects]. Novosibirsk: Novosibirskij gos. arhitekturno-stroitel'nyj un-t. 336 p. (In Russian).

14. Pravkin, S. A. (2007). *Evoljutsiya istochnikov prava v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Evolution of law sources in Russia: history and contemporaneity]. Moskva: MIEMP. 151 p. (In Russian).

15. Rad'ko, T. N. (2014). *Teoriya funkcij prava* [Theory of legal functions]. Moskva: Prospekt. 268 p. (In Russian).

16. Rozhdestvenskij, D. V. (2001). *Nravstvennoe bogoslovie* [Moral theology]. Moskva: Lestvitsa. 252 p. (In Russian).

17. Smirnov, M. Yu. (2010). Dinamika religioznykh organizatsij v dorevoljucionnoj Rossii: istoricheskij i statisticheskij obzor [Dynamics of religious organizations in pre-revolutionary Russia: historical and statistical review] *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 3. pp. 15–36.

18. Stepanov, V. V. (2008). *Ponyatie i znachenie maloznachitel'nosti pravonarusheniya v rossijskom zakonodatel'stve* [Concept and meaning of insignificant offence in the Russian legislation]. Perm': Permskij gos. un-t. 108 p. (In Russian).

19. Stromov, V. Yu. (2007). Dvoreckij, M. Yu. *Sistema ugovolnyh nakazanij: istoriya razvitiya, sushchnost', tseli, primenenie i effektivnost'* [Criminal penalty system: history of development, substance, objectives, enforcement and efficiency]. Tambov: Izd-vo TGU. 513 p. (In Russian).

20. Urbah, E. (2016). *Mudretsy Talmuda* [Sages of the Talmud]. Moskva: Gesharim: izdatel' M. Grinberg; Ierusalim: Mosty kul'tury, 555 p. (In Russian).

21. Shimanskij, G. I. (2017). *Nravstvennoe bogoslovie* [Moral theology]. Sankt-Peterburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 479 p. (In Russian).

Об авторе

Белов Петр Юрьевич, исследователь, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: belovpy05@mail.ru

About the author

Pyotr Yu. Belov, researcher, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, e-mail: belovpy05@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.12.2021

Received: 06 December 2021

Принята к публикации: 17.01.2022

Accepted: 17 January 2022

Опубликована: 10.03.2022

Published: 10 March 2022